

ИТОГ: Может ли этатическая цивилизация найти консенсус с демократической цивилизацией?

Краткое содержание этой части своей Защитной речи я постараюсь отобразить в виде кратких выводов.

1. Не разобравшись в историческом процессе формирования власти, нельзя провести нормальное социологическое исследование. Социальные науки, которые хотели развивать в ракурсе позитивистской науки, иными словами, в позитивистской парадигме, так и остались в тупиковом состоянии. В противном случае мы не сможем объяснить все возрастающее явление эксплуатации и власти. Ученый несет ответственность перед обществом не меньше, чем религиозный деятель или моралист. Если, наука представляет собой более высокую ступень, нежели мифология, религия и философия. В таком случае почему наука, совершив свой победный переворот (в XVII веке), не смогла продемонстрировать свое превосходство перед беспрецедентными войнами и эксплуатацией? Причиной этого может стать стремление науки к власти. Наука, становящаяся властью, теряет свою свободу.

Если охарактеризовать науку как наиболее развитое толкование смысла, то столь форсированное ее слияние с властью можно считать или поражением науки, или же можно констатировать, что существует серьезная проблема смысла, которая называется наукой. Я хотел связать эту проблему с позитивизмом. Позитивизм является религией и метафизическим мировоззрением, тесно переплетенным с самым грубым материализмом, стоящим далеко позади религии и метафизики, а ряд дисциплин, называемых позитивистскими науками, отличается открытой и полной безответственностью. Они никак не выступили против эксплуатации и войны — не посчитали это своей проблемой, а позднее стали наукой власти. Все это происходило, несмотря на активную критику. Очень важный вывод заключается в том, что наука испытывает жгучую потребность в переосмыслении. Наука нуждается в новом парадигматическом перевороте. В этом труде я испытал свой толковательный потенциал как способность понимания. Итоги связаны с этим испытанием.

2. Власть надо считать некоей традицией, более того, одной из древних традиций. Это не совокупность акций, ежедневно реализующих волю над обществами. Следует очень хорошо понять, что власть не является чистым государством. В основе ошибок, которые могут быть совершены, как это часто происходит, лежит принижение власти до уровня государства, а государства до уровня власти. Наиболее оппортунистским толкованием власти является объяснение военных действий в комплексе с действиями власти. В этом труде я часто использовал в качестве символического понятия такое выражение, как «коварный и сильный человек». Это нечто сродни «теневой руке», формирующей рынки. Я уверен, что это сравнение имеет серьезное дидактическое значение для осознания основы власти. Все связи, которые порой раскрывают сами себя, в большинстве же формируют власть под открытым пространством общества, и владельцы этих связей тоже являются строителями власти.

Власть является общественным явлением, обладающим талантом максимального проявления постоянства и концентрации. Вероятно, первым и самым большим обладателем власти является мужчина, «одомашнивающий» женщину. То, что шаманы монополизировали силу осмысления и, став жрецами, обрели религиозный сан, стало очень эффективным шагом на пути освящения голы силы власти и облачения таинственностью. В эту группу можно включить мифологию власти и все концепции обожествления. Мифические и религиозные предания достаточно эффективны в строительстве власти и ее узаконении. Властвующая «тройка» иерархического, патриархального режима в лице жреца, правителя и военачальника становится той самой группой, которая широко распространяет в обществе почву, на которой формируется власть. Эти власть предержащие становятся создателями первого трона, первой символизирующей силы власти. Такие представления, как «божественность», «трон», «возвышение», «отчуждение между богом и человеком», «унижение богини», «психология слуги» — все это оставшиеся с тех времен сильные символы власти.

3. Государственная власть является постоянной и конкретной формой власти, возникшей на почве иерархии, закрепощение женщины и превращение слуги в раба. Она отображает сильно распространенные отношения во власти, формирование какой-то ответственности и более эффективное экономическое использование. Власть включает в себя государство. Но дело в том, что она включает в себя нечто большее, чем государство. Государства — это монопольные структуры, которые на протяжении истории больше всего строят концепции, касающиеся самих себя. Историю начинают именно с себя. В конечном итоге власть перестала воспринимать возрастающую экономическую силу общества как предмет демократической политики и строит монополию как символ власти, что, тем самым, означает присвоение прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Еще один момент, связанный с государством: именно с этим связаны такие институты, как мифология, философия, религия, наука, войны и политика. Результат будет неизменен даже в том случае, если речь идет о коммунистическом государстве. В обществе официальные позиции занимают государство и власть. Они развивают свой легальный статус.

Вопросы, более всего интересующие тех, кто совершает действия от имени государства, — это акции, войны, предания, которые могут показаться обществу осмысленными. В правовом отношении государство — это свод правил. Доведение традиции до нормативного состояния

— вот еще одно определение государства, которое можно было бы принять. В этом смысле государство можно было бы назвать также совокупностью абстрактных отношений. Такие названия, как «теократия», «деспотия», «королевство», «империя», «республика», «абсолютизм», «национальное», «классовое», «этническое», «правовое», «светское», «демократическое», «социальное государство», несмотря на формальные различия, по своей сути являются построением власти. Это конкретизация отношений. По мере того, как города, становясь более сложными социальными структурами, охватываются явлением классового расслоения, они начинают играть ведущую роль в формировании государства и власти. Но город нельзя отождествлять только с государством.

4. Цивилизация — это содержательное выражение социальной власти, достигнутое государством на базе концентрации в городе. Первой серьезной цивилизационной попыткой стала власть государства над городом. Синонимом слова «цивилизация», кстати, является «урбанизация», что означает «городской образ жизни». У цивилизации есть некоторые особенности, выходящие за рамки государства. Очень сильна связь с категориями времени и места. Цивилизация включает в себя многочисленные этносы, народности, нации, религии, верования, мышления. Государство является стержнем цивилизации, но оно не может подменить собой цивилизацию. Город также является истинным местом формирования государства, но это отнюдь не означает, что город это уже государство и даже цивилизация. Цивилизации могут разрастаться в различных категориях времени и места, например, как это было с египетской, шумерской, персидской, греко-римской, христианской, исламской, индусской, китайской, ацтекской, европейской цивилизациями. Во всех случаях аналогичными были условия урбанизации, классового расслоения и принцип города. Взаимоотношения внутри самой цивилизации и между цивилизациями могут быть мирными и воинственными в зависимости от экономических и политических монополий. Когда цивилизации соглашались с тем, чем владеют, они могли мирно сосуществовать, считая такое положение вещей справедливым распределением. Если же согласия между ними нет, то война становится тем самым орудием «восстановления справедливости», к которому больше всего прибегают. Между такими понятиями, как «война», «сила», «цивилизация», «государство» и «справедливость-право», существует тесная связь. По сути, это означает или самостоятельное осуществление социальными группами или личностями своих действий от своего имени, или аннексию другими лицами и группами их деятельности (экономической, политической и идеологической). Цивилизация является единством связей всех этих традиций, структур и правил. Иногда можно отобразить цивилизацию в связи со способами формирования классов и прибавочного продукта, как это происходит в рабовладельческой, феодальной, капиталистической цивилизациях. Закрепощенная женщина + иерархическая патриархальность + государство + цивилизация = формулировка того, насколько единство власти является комплексом силовых отношений.

5. Демократическая цивилизация или урбанизация — это социальная категория, отличная от статической цивилизации. Она преследует цель охарактеризовать как общественные формы, существовавшие до становления государственности и цивилизации, так и последующие образования, оставшиеся за бортом государства. На протяжении истории государства стремились отождествлять самих себя с обществом. Во главе их идеологических концепций стояло утверждение о том, что нет общества без государства. Высказывания о том, что общество отличается от государства и между ними существуют

кардинальные противоречия, более всего вызывали бурную реакцию «хозяев» государства. Но очень важно отметить, что по своей сути государство является монополией крайне узких интересов, а вся его деятельность, называемая общественной (совместные дела общества), абсолютно не является его основной целью и осуществляется лишь для того, чтобы государство могло облачиться в легальные краски.

Несомненно, социум стал сложной структурой после первобытно-общинного строя, и на поверхности оказалось множество дел, которые необходимо было совместно осуществить для управления обществом. Если государство превращало эти дела в аргументацию в пользу собственной легальности и постепенно выдворяло общество из поля деятельности, то демократия предлагает или обеспечивает выполнение этих совместных дел конкретно обществом. Именно этот факт лежит в основе водораздела, существующего между этатической и демократической цивилизациями. Кстати, данный факт имеет жизненно важное значение. По мере того, как сообщества обретают силу слова и дела во всех своих акциях, можно говорить об их демократическом характере. В противном случае, если общие вопросы социума решаются государством или другими группами, сообщества попросту будут обречены на утрату способностей, свободы, равенства и смысла. Личности и группы, не способные организовать собственные действия и речи, не могут обрести смысл, способности, не могут жить свободно и в равенстве. Разница в фактах приводит к столь значительным последствиям.

Фундаментальный факт, который надо раскрыть в связи с рассуждениями об обществе, — это первобытно-общинный строй как клановая и родоплеменная система, в которой человечество жило на протяжении миллионов лет. В этой общественной системе можно найти первоначальный облик демократии. Подобно тому, как государство является стержневой костью цивилизации, так и первобытно-общинный строй является стержневой костью демократической цивилизации. Даже этот факт самостоятельно может свидетельствовать о том, насколько сильна демократическая платформа. Письменная история всегда повествует о государственных цивилизациях. Но в рамки этой истории почему-то не входит описание образа жизни, совершения каких-то дел в общинных системах, в которых человечество жило на протяжении миллионов лет. Но ведь именно это и должно быть настоящей историей, потому что общинный образ жизни, который вело человечество на протяжении длительного периода в самом широком географическом диапазоне, означает суть самого социума. Именно это и есть общество. Что касается государства и цивилизации, то это искусственные структуры, оказавшиеся на исторической арене гораздо позднее. Настоящее общество стали загружать бессмысленными трудностями. Но ведь общество и без них смогло бы продолжить свое развитие. Наконец, продолжило, но было обречено на существование, полное искажений, кровопролития и эксплуатации.

Обратив внимание на язык и историю общества, имеющего письменность и государственность, увидим, что используемая терминология сплошь является языком лжи, коварства, насилия и гнета. В них выстраивается такой символический мир, как будто для обществ попросту нет жизни без угнетения и эксплуатации, без угнетенных, рабов и слуг. Переходя из мира символов в реальный мир, общества обнаруживают, что они, обладая потенциалом для правильного течения жизни, то есть демократическим потенциалом, еще в

детстве оказались привязанными к цепи, ограничивающей их свободу. Это необычная ситуация, иными словами, такую жизнь можно назвать «цивилизацией в цепях».

Констатация того факта, что именно данная цивилизация оказалась виновной во взрыве атомной бомбы, что всего лишь три столетия из пяти тысячелетий прошли в мире, а все остальное время велись войны, что именно она несет ответственность за то невыносимое состояние, в котором оказалась окружающая среда, а социальные проблемы оказались гангреной, могла бы стать очень сильным аргументом в защиту демократического развития. Усиление неестественной этатической цивилизации приводит к тому, что демократическая цивилизация продолжает оставаться на уровне карлика. Основное противоречие, которое таится в недрах всех обществ, сводится именно к этому. Это и есть цивилизационная болезнь, выраженная в том, что общество уже не может развиваться демократическим путем, предпочитая безмолвно и бездейственно прозябать в доспехах государства. Веселое состояние общества, в котором царит любовь, должно считаться не хуже, чем его угасание в болях, разочаровании и полном отсутствии такого чувства, как любовь. Демократическая цивилизация — это и есть форма общества, идущего к цивилизации, полной веселья и любви. Это не просто вариант, а самое естественное состояние, соответствующее ее природе человека, разновидность свободы, объединяющей чувственное и аналитическое мышление.

6. Система капитала — это не продукт капитализма последних четырех столетий, как это принято считать, а продукт цивилизации длиной в пять тысячелетий. Прибавочный продукт, образовавшийся в земледелии, стал материальной основой формирования капитала. Первая организация капитала происходила на базе храма. Эта система, принадлежавшая богам верхнего яруса (верховным правителям), жрецам, располагавшимся на среднем ярусе и выполнявшим им функции узаконителей (помощников верховных правителей, посланника в ярус общества и слуг), а также рабам, которые занимали нижний ярус и работали за еду, дошла до наших дней, постоянно разрастаясь, выделяясь и становясь еще более жесткой. Урбанизация, классовое расслоение и становление государственности, в конечном итоге, являются продуктами прибавочного продукта. Постоянное подталкивание общества к разделению труда, обозначение ступеней иерархии, увеличение мощи общества, доведение до сменяющих друг друга состояний защиты и нападения, стало явлением, которое называется приобщением к цивилизации, и открыто продемонстрировало свою связь с капиталом. Даже если капитал, как экономическая категория, в узком смысле сможет определиться путем увеличения в краткие сроки, то в широком смысле, увеличиваясь в течение длительных периодов, он сохранит свою суть. Если считать капиталом ежедневный рост доходов коммерсанта, то спокойно можно считать капиталом ежегодный прибавочный продукт крестьянской монополии (земледельческого государства).

История свидетельствует о том, что торговая эпоха существует гораздо дольше самой цивилизации, на протяжении шести тысячелетий (эпоха Урука, продлившаяся с 4000 гг. до н. э. по наши дни). Торговая эпоха, оказавшаяся на втором плане в сравнении с земледельческой цивилизацией, если даже с точки зрения периода и места порой и способствовала возникновению выдающихся городских цивилизаций, она так и не смогла утвердить серьезные позиции в обществе. В данном случае весомую роль играет эксплуататорский характер прибыли. Эта эпоха гораздо больше утвердилась в монастырях и укромных уголках общественной истории. Она постоянно взвинчивала процесс своего развития на протяжении всех эпох цивилизации. Торговый сектор, впервые в истории

ставший гегемоном в XIII-XVI вв. н. э. в итальянских городах, а в период XV-XVIII вв. уже во всех европейских городах, сыграл фундаментальную роль в зарождении европейской цивилизации. Он не только укреплялся в качестве нового действующего лица общества, но и подмял под себя всю его политическую платформу. Определяющую роль в увеличении капитала сыграли крупные торговые монополии и колониальные грабежи. Они даже смогли взять под собственное влияние движения Ренессанса, Реформации и Просвещения.

Индустриализация, ставшая возможной в результате промышленного переворота XIX века, превратилась в основную сферу прибыли капитала. Переход производства, транспорта и потребительского рынка под контроль промышленных монополий ознаменовал собой точку апогея европейской цивилизации. Данная ситуация способствовала возникновению классовой борьбы и национально-освободительных войн внутри системы и за ее пределами. Главенствующая идеология системы смогла путем уступок нейтрализовать обе волны сопротивления в рамках системы. Кризисы, в первую очередь, в сфере городов и окружающей среды, коим способствовал индустриализм в конце XX века, обрели структурный характер. Итогом стало наступление финансовой эпохи. Этот период совершенно безответственного отрыва капитала от производства и освобождение денежной массы от золотого резерва стран превратился в глобальный кризис цивилизации. Социальный потенциал капитала был истощен, и тогда он постарался продолжить свое существование, обновляясь в виде виртуальных систем. Система «капитал-прибыль», обретающая состояние финансовых гор, как бы испытывает общество, лишая рефлексивности вследствие бесчисленных кризисов. Явление, называемое «третьим глобальным актом», по сути, является этапом структурного кризиса третьей и последней стадии цивилизации.

Мы посчитали, что наиболее подходящей была бы характеристика капиталистической эпохи как социального кризиса. В качестве основного тезиса мы подчеркнули то, что капитализм, о котором говорят как о самой экономической из всех формаций, тем не менее, таковой не является и не сможет узаконить свой статус путем агрессивно навязываемой монополярной силы. Установление над обществом, являющимся союзом очень содержательных сообществ, господства со стороны столь эгоистичной, корыстолюбивой, чаще всего прибегающей к силе системы, как капитализм, может означать в истории только чрезвычайную ситуацию, то есть состояние кризиса. Финансовая эпоха дает о себе знать во всех ипостасях данной истины, во всех уголках общества. Постоянная генерация террора, лишение большей части общества работы, принижение роли рабочего чуть ли не до статуса безработного, превращение общества в массы и толпы, индустриализация искусства, секса и спорта, проникновение власти всюду вплоть до капилляров общества — все это показатели того, что система исчерпала саму себя. Создана такая атмосфера, которая пытается убедить общество, что вся история и будущее могут иметь место только на базе капитала.

Главная роль, которую играет медиа-сектор, сводится к представлению этого виртуального общества в качестве реально существующего. Но то общество, которое должно быть реализовано, которое имеет право на жизнь, прозвано нерентабельным, выдуманым, утопическим и постоянно исключается из повестки дня. Вопреки утвердившемуся мнению, капитал — это монополия силы, система насилия, насаждаемая над экономикой, исказившая ее до невозможного, не только не удовлетворяющая ее первостепенные потребности, но, наоборот, усугубляющая все проблемы до состояния опухоли.

7. В противоположность системе капитала, экономика — это сфера, обеспечивающая материальные потребности общества. То, что длительное время она оставалась за пределами потребительской стоимости, связано с общинной системой. Целостность общества управляется принципом, гарантирующим всем жизнь. Природа человека требует этого. Производство никогда не задумывалось для извлечения прибыли. После длительных опасений (экономика дарения), а также как следствие углубляющегося в обществе разделения труда свое место нашла экономика обмена. Формирование обменной стоимости дополнительно к потребительской тоже не преследовало цель извлечение прибыли. Она предназначалась для удовлетворения потребностей общества на почве возрастающего разнообразия и взаимной зависимости. Появление товара как такового, рыночные и денежные отношения изначально не имели цель извлечение прибыли, а развивались для удовлетворения этих разнообразных потребностей и взаимной зависимости. Явление, называемое «рыночной экономикой», вопреки утвердившемуся мнению, не является экономикой типа «капитал-прибыль», это экономика активного функционирования механизма обмена. До тех пор, пока торговля в ответ на определенные усилия находит свой обменный эквивалент, она является полезной и необходимой деятельностью. Рынок, определенный немонопольной конкуренцией цен, становится той сферой, где прощупывается пульс экономики. Деньги, всего лишь средство облегчения обмена. Все прослойки, называемые мелкими ремесленниками и специалистами, играют роль необходимых и полезных экономических элементов до тех пор, пока не попадают под эксплуатацию в рыночном процессе. Распределение потребностей по таким сферам, как питание, одежда, проживание, транспорт, развлечение, является показателем развития экономики. Усилия, связанные со всеми этими секторами, обретают свой смысл в качестве экономической деятельности. Все эти особенности понятны обществу, ценны и не выходят за рамки этики.

Что касается насаждения извне монополистического мировоззрения, то на протяжении всей истории это воспринималось неадекватно и с протестами, рассматривалось как зло, грязь, насилие, жестокость, несправедливость. Считалось, что этого не должно быть, но, тем не менее, монополии навязывались экономике, строились или линейно, или путем насильственных акций, или путем изощренных методов убеждения (дефицит, сток, игра с ценами или стоимостью денег). Эта система построения монополий в целом называется системой «капитал-прибыль». Принцип ее заключается в том, что одни получают огромную прибыль, а большая часть общества остается без работы, на грани нищеты и голода, что способствует их постоянной привязанности к системе капитала. Мотивировкой такой системы является то, что при признании возможностей больших заработков, дескать, начнется соревнование, что и будет способствовать развитию экономики. То, что это страшная ложь, видно на примере того, что сидящие сегодня на вершине финансовой эпохи никакого отношения к экономике не имеют (за исключением таких спекулятивных вопросов, как биржи, проценты, курсы валют). То, что они устанавливают отношения с экономикой, тождественно по смыслу кризисам. Их не интересует ничто, кроме прибыли.

Благодаря столь обманчивой научной дисциплине, как политическая экономика, настоящая экономическая деятельность полностью исключается из повестки дня, выдворяется за пределы экономики, а деятельность, совершенно не имеющая отношения к экономике, признается незаменимой святостью экономики (опять же, такие спекулятивные темы, как

биржи, проценты, курсы валют). Их пытаются навязать обществу под маркой высшей экономики. Монополия силы совершенно не считает экономикой то, что действительно является экономикой в прямом смысле слова, и упорно называет высшей экономикой, священным потенциалом экономики то, что абсолютно таковой не является, более того, стало антиподом экономики. Если задаться вопросом, что является основной проблемой экономики, то ответом должно стать, в первую очередь, освобождение от монополии грабежа. Для того, чтобы стать истинной экономикой, нужно освободиться от не являющегося экономикой, но навязываемого извне антипода. Надо освободиться от игр спекулянтов, извлекающих прибыль из процентов, бирж и курсов валют, ибо истинная экономика — это нормальное, доступное производство, распределение и потребление, осуществляемые путем внедрения технологий, дружественных для окружающей среды. Первым шагом на пути к построению экономики, которую можно было бы охарактеризовать именно таким образом, является планомерная, программная и организованная деятельность во имя освобождения от системы, отнюдь не являющейся экономикой.

8. Племена и народности, которых хотели вовлечь в ранние колониальные и полуколониальные процессы, первыми восстали и сопротивлялись варварству капиталистической эпохи. Индейцы Северной Америки и ацтекская цивилизация Южной Америки сопротивлялись до последнего. Цивилизации, племена и народности Азии и Африки (Китай, Индия, Эфиопия) тоже постоянно продолжали свою повстанческую деятельность. Сопротивляясь более разумно и организованно, многие в русле национально-освободительных движений XX века, пусть и с недостатками и ошибками, но достигли заметных успехов. Серьезным внутренним побудителем стал процесс пролетаризации. Продавать свой труд на рынке — это, вопреки утвердившемуся мнению, не освобождение от крепостного, то есть рабского статуса. Напротив, это обреченность на самое жестокое рабство, где нет никаких иных средств выживания, кроме зарплаты. Не только трудности с поиском работы, но и вечная нехватка зарплаты выявляет то, что новый режим насилия гораздо хуже прежнего.

Великое сопротивление капитализму осуществлялось во имя того, чтобы не превратиться в таких обреченных рабочих. Это сопротивление было борьбой не за пролетаризацию, а против превращения в пролетариев. Ошибочный лозунг «Да здравствует пролетарская борьба!» аналогичен по смыслу лозунгу «Да здравствует рабство!». Правильнее всего было встать на борьбу против обреченности на платный труд, и именно это поддерживается принципом жизни. Мятежи, устраиваемые теми, кто был наполовину сельчанами, наполовину лавочниками, возникали сами по себе, росли, как снежный ком, и были постоянным элементом истории капитализма. С другой стороны, интеллигенция, не питавшая надежд на будущее феодальной системы и не осознавшая того, как должна развиваться новая система, стала искать «город солнца». Первые утописты совершенно не предвещали капитализм, а в противовес этой лавине выдвинули свои, пусть и утопические, проекты развития полного надежд будущего. Эпоха перехода к капитализму одновременно была эпохой борьбы за равенство, свободу и торжество общинной системы, которую развернуло широкое, героическое поколение во главе с такими великими утопистами, как Сен-Симон, Кампанелла, Фурье, Эразм Роттердамский.

Под предводительством К. Маркса и Ф. Энгельса впервые было развернуто знамя борьбы против капитализма на основе научного социализма. Несмотря на серьезные недостатки и ошибки, которые были изначально заложены в этой борьбе, первое в истории движение на базе научного социализма против системы стало воплощением страшного сна полуторавекового капитализма. Были проявлены чудеса героизма, завоеваны значительные позиции. Семьдесят лет эта борьба была основой официальной идеологии СССР. Она разбудила островной Китай, став также источником вдохновения национально-освободительных движений. Недостатки этого движения против системы заключались в том, что ему не удалось раскрыть суть современного капитализма и совершить радикальный отрыв от него. Научная парадигма этого движения носила позитивистский характер. Движение очень слабо распознало то, что традиция государственной цивилизации и власти нашла свое продолжение в рамках капиталистической цивилизации. Но все же движение на базе научного социализма заслужило то, чтобы стать одним из краеугольных камней в фундаменте демократической цивилизации.

Ни в коей мере нельзя приуменьшить антикапиталистическую сущность анархизма. Это были профессиональные революционеры во главе с П. Прудоном, М. Бакуниным, П. Кропоткиным, которым удалось объединить свою критику системы с идеями демократической коммуны. Свобода и коммуны многим обязаны анархистам. Но основным недостатком и ошибкой этого движения стало то, что они видели в капитализме всего лишь экономическую систему, не полностью распознали фундамент цивилизации и власти, на котором зиждется капитализм, не смогли разрушить шаблоны современности.

Движение интеллигенции и молодежи, неожиданно вспыхнувшее в 1968 году, стало самым крупным движением протеста в начале финансовой эпохи. Несмотря на то, что в этом движении все же превалировала утопическая сторона, оно стало факелом просветительства и свободы, направленным против отвратительнейшей эпохи мракобесия. Проторили путь анти-модернистские перспективы культурных, экологических и феминистских движений, развивавшихся одно за другим. Не базируясь на власти, они расширили русло борьбы за равенство, свободу и демократию. Противники системы, выступающие против всемирной капитализации, в чьих действиях слышны имена и поступь мирового сообщества, с помощью критического подхода к прошлому, впервые применив более глубокое историческое и социальное мировоззрение, усилившись, в ответ полному отрыву от капиталистической цивилизации объединившись с демократической цивилизацией, смогли продвигаться по пути равенства, свободы и демократии.

9. Причиной всех неудач, постигших революционеров XIX-XX вв., стали ошибки в понимании и восприятии власти и национального государства, являющегося ее конкретным воплощением. Они предусматривали приход к власти, которую считали основным звеном в решении всех социальных проблем. Первой целью своей программы они считали захват власти. Все формы борьбы были связаны с этой перспективой. Но ведь власть сама по себе это отсутствие свободы, неравенство и антидемократическое явление. Это орудие обладает традиционными способностями, позволяющими ей заразить любого, самого здорового революционера, вступающего с ней в какой-либо контакт. У этих революционеров не было никакого социально-исторического анализа власти, которую они считали орудием освобождения. На повестке дня у них не стояли такие вопросы, как пути формирования

власти и этапы, пройденные ею на протяжении истории, взаимоотношения власти с экономикой и государством, роль, сыгранная в истории цивилизаций, и место, занимаемое в обществе. Складывается такое ощущение, что революционеры считали ее «волшебной палочкой», способной превратить все вокруг в райскую жизнь. Можно подумать, что власть в состоянии решить любую проблему, к которой обратится. Даже диктаторский тип власти оказался для них приемлемым. Так, вместо диктатуры буржуазии была объявлена диктатура пролетариата — это оказалось самым страшным капканом. В итоге героизм, проявленный в ходе полутравековой борьбы, потонул в пучине властолюбия. В конце концов, в руках революционеров оказалось орудие, которое, как выяснилось, было механизмом поддержания отсталости, неравенства, ограничения свобод и антидемократической политики, традиционно используемой капитализмом. Но было уже многое потеряно. Таким образом, повторилась болезнь власти, некогда имевшая место в истории христианства.

Подход к национальному государству довел до еще более бедственного состояния. Современный Левиафан модернизма, ставший символом оголтелого национализма, половой дискриминации, религиозности и сдобренный научными знаниями, был воспринят как фундамент и естественное окружение, в границах которого предстояло вести борьбу. Централизованную модель национального государства революционеры оставили выше Демократического конфедерации, посчитав ее более прогрессивной и конструктивной, более правильной целью. Не было проведено никакого анализа, касающегося национального государства, являющегося фундаментом той структуры, которая создала самый уродливый тип гражданина, полностью растворила общество в горнилах государства и в итоге приводила его к фашизму. Содержание власти оказалось тем временем излишне раздуто научным позитивизмом, а суть ее была поголовно националистической, не приемлющей равенство полов и склонной к религиозному фанатизму. Когда власть, став орудием, проникшим до порога общества, оказалась также предпочтением научного социализма, определилась уже судьба самого социализма. Объявление об официальном распаде в 1991 году стало лишь формальным актом. Демократичный характер Советской власти был утерян еще в начале Октябрьской революции, и следовало бы осознать, что родился вовсе не социализм, а самый настоящий капитализм. С этой формой власти тесно связано и то, что национально-освободительная борьба не дала ожидаемых от нее результатов. Как же можно было строить идеи свободы и равенства при помощи орудия, являющегося средством подавления свобод, равенства и демократии? Впрочем, демократия, как средство смягчения власти, еще изначально была исключена из повестки дня.

Национальное государство, как профашистская модель, пройдя, подобно бульдозеру, по ценностям, завоеванным обществом на протяжении всей истории, давит и душит в темноте все надежды людей на будущее. Поэтому осталась только модель национального государства, оберегавшаяся при помощи религии позитивистского национализма, что сродни объективному идолопоклонничеству. Национальное государство считает себя единственно правым, обожествляет себя, но, будучи совершенно бесчувственным, известно своими жестокими действиями, доходящими вплоть до резни. Впервые за пять тысяч лет истории капитала эта монополия силы, сформировавшаяся в результате плавки в одной печи таких структур, как экономика, политика, общество и идеология, сама стала причиной всех проблем. Ясно, что до тех пор, пока влияние модели национального государства не будет преодолено по определению и практически, борьба за социализм окажется просто

самообманом. До тех пор, пока не дадут точную оценку индустриализму, являющемуся, по сути, двойником национального государства, невозможно будет предотвратить такие бедствия, как социальную раковую опухоль города и вымирание окружающей среды. Индустриализм, преподносившийся как революционная цель, на самом деле является формой извлечения максимальной прибыли государственным монополизмом. Индустриализм можно сравнить, как минимум с «фараоновским» социализмом. Социализм, существовавший в СССР и до его распада, и современный китайский социализм, будучи наиболее жестким практическим применением современного индустриализма, оказались диктаторскими режимами, что стало победой либерального капитализма.

Гораздо более поучительным был бы метод прочтения наоборот такой системы, как считающая себя наиболее экономической финансовая эпоха. Когда говорят о финансах, следует представить себе власть, проникшую до порогов общества, когда же говорят об экономике — систему, совершенно не имеющую ничего общего с экономикой, более того, являющуюся ее антиподом. Когда же говорят о неолиберализме, надо иметь в виду самый жесткий консерватизм, и этот метод поможет нам сделать более правильные толкования системы.

Национальное государство, индустриализм и финансовая монополия являются средствами предотвращения распада не только современного капитализма, но и структуры цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий. До тех пор, пока не дойдут до новых образований, способных обеспечить их постоянное существование, они будут использовать в качестве оружия тактику сплочения между собой и вынуждения возникающих альтернатив на совершение неправильных действий.

10. На протяжении всей истории демократические и неимущие социальные слои в своей борьбе делали ставки не на того «коня». Они считали, что смогут победить врагов их же оружием. Им не удалось применить оружие, соответствующее идеям свободы, равенства и демократии. Даже если и удавалось применить, они с легкостью отказывались от него, независимо от того, было ли это оружие действенным или нет. Им казалось, что лучше использовать наиболее развитое оружие соперников. Речь идет не только о военной технике и вооружении; они полностью переняли ранее установленное мышление и структурный характер цивилизации, от методики создания божеств до соответствующего одеяния, от архитектуры до стилей мышления, от форм эксплуатации до структур власти — попросту растворились в этих структурах. Ставка на того же коня, что и у противника, приводит именно к таким последствиям.

Вожди семитских и арийских племен, с четырех сторон нападавшие на шумерскую цивилизацию, или переняли и возглавили институт мышления и структурного образования Шумера, или превратились в слуг этой системы. Легендарный героизм племен, гимны и песнопения которого и по сей день заставляют наши сердца биться сильнее, канули в Лету именно вследствие такого шага.

Большинство представителей племени апиру, нападавшего на древнеегипетскую цивилизацию, стало рабами, незначительному меньшинству удалось занять место в бюрократическом аппарате египтян, но не более того. Сейчас известен один лишь

еврейский род, оставшийся в наследство от шумеро-вавилонской и древнеегипетской цивилизаций. Но и евреи стали проблемой как для самих себя, так и для всего мира. Они не стали рабами, но и не обрели полной свободы.

Мидийские и скифские племена на протяжении трех столетий и сопротивлялись Ассирийской империи, и сами же нападали на нее. В результате это способствовало созданию Урарту и Персидской империи, оказавшихся их же копиями. Часть мидян и скифов заняла должности военачальников в этих империях, но большинство не избежало участи порабощения.

На протяжении пяти столетий греко-римская цивилизация непрерывно сталкивалась с внешними агрессиями кельтов, норманнов, готов и гуннов. Внутри же цивилизации не прекращались восстания рабов и мятежи, возглавляемые христианством, ставшим партией всех бедняков. Что же стало итогом: бледная копия римской короны, папство и самовозвышение некоторых родоплеменных вождей. Память миллионов борцов, которых бросали на съедение львам, сжигали и отправляли на распятие и виселицы, так и исчезла в ледяных просторах цивилизации.

Арабы, турки, курды, армяне, ассирийцы, черкесы, эллины и другие родоплеменные общности, на протяжении семи столетий не только сопротивлявшиеся Сасанидам и Византии (и их наследникам), но и беспокоившие их своими нападениями, в результате оставили после себя султанские престолы, являющиеся бледными копиями былых цивилизаций, и миллионы нищих племен, слуг и рабов.

О том, что случилось с теми, кто восставал против европейской цивилизации, мы уже подробно говорили.

Все цивилизации на протяжении истории съедали (как материально, так и духовно) наследство священных общинных систем революционного неолитического общества, но оно еще не исчерпало себя, и но сей день заставляет наши сердца и взоры каменеть и содрогаться. Историю этих потрясающих и легендарных борцов мы должны считать своей историей. Иными словами, это «История демократической цивилизации». Но мы должны суметь восстановить и написать эту забытую и разворованную историю. Однако мы отнюдь не должны считать своей и продолжать историю тех, кто, позарившись на украшения короны цивилизации, предал свой род и племя, труд бедных соплеменников, идеи сопротивления, героизм и мудрость, став бледными венценосцами или дворцовыми слугами. Без этого четкого разделения нельзя написать историю демократической цивилизации. Но без написания этой истории нельзя успешно вести повседневную борьбу за свободу, равенство и демократию. История — это корни, и лишенные общественной истории люди не в состоянии избрать путь свободы и достоинства.

Господствующая цивилизация берет за основу тезис о том, что именно ее история является единственной и никакой иной не существует. До тех пор, пока не удастся отбросить это догматическое понимание истории, унижающее всех остальных, не может быть развития демократичного и социального исторического мировоззрения. Пусть не думают, что у истории демократической цивилизации нет событий, связей и структур, или их очень мало.

В действительности эта история буквально полна материалов. В истории демократической цивилизации, как и в истории всей цивилизации, есть множество мифов, религиозных учений, философия, наука, искусство, мудрецы, певцы и писатели. Нам достаточно суметь посмотреть на историю сквозь призму нашей парадигмы, выбрать, отделить и написать эту историю. Я не говорю о том, что совершенно нельзя пользоваться оружием, структурами и мышлением врагов и соперников. Но меньше, чем пользоваться, надо развивать свое мышление, структуры и вооружение, и до тех пор, пока это не будет осознано и сделано, нельзя будет избежать поражения от их же оружия, структур и мышления, более того, превращения в них.

11. В итоге скажу, что из всех моих рассуждений и тезисов не надо делать вывода типа «цивилизации, не придя к согласию, до победного конца и до полного уничтожения воюют друг с другом». Такого типа суждения, основанные на диалектическом мировоззрении уничтожения, я постарался раскрыть с философской точки зрения, более того, я не считаю их соответствующими диалектике мирового хода событий. Даже при наличии взаимно уничтожающих аспектов основным является то, что цивилизации взаимно связаны и развиваются путем взаимного питания (симбиотическая связь). В природе общества лучше всего работает именно эта диалектическая суть. Сосуществование с помощью достижения взаимного согласия, не уничтожая, а пытая друг друга — вот основное состояние обществ. История и современность представляет собой подавляющее большинство относительно этой природы обществ. Уничтожающие, чрезмерно отчуждающие формы взаимоотношений составляют исключение. Почти так же, каким является исключительное положение львов в мире животных.

Сосуществование государственной цивилизации и демократической цивилизации без попыток взаимного уничтожения, а путем достижения согласия, вполне возможно. Первейшим условием для этого является признание цивилизациями идентичности друг друга и уважительное отношение друг к другу. Навязывание собственной идентичности другим при помощи силы и различных выгодных посулов это вовсе не согласие, а метод уничтожения. Этот метод частенько встречается в истории, более того, он и сегодня широко навязывается обществам — это путь власти и войны. Европа, частично США, будучи гегемонами капиталистической системы, сделав соответствующие выводы из применения метода власть-война на протяжении четырех столетий, не стремясь полностью разрушить модель национального государства (потому что причинами внутренних и внешних войн является такая организация власти), стараются строить жизнь на базе федеративных образований. При этом они придают более актуальный характер таким аргументам, как права человека, гражданское общество и демократизация. Ясно, что они хотят сдвинуть модель нация-государство с прежних жестких позиций и сделать ее более конструктивным государственным средством. В России и Китае тоже имели место похожие процессы. Страны, которые настойчиво сохраняют свои жесткие режимы, иапример, Северная Корея, Ирак, Сирия, Турция, Иран и др., подвергаются еще более жесткой нагрузке. Ирак был избран мишенью как наказ. Теперь уже хотят выйти из кризиса, обретшего хаотическое состояние, с наименьшими потерями и без особых ран.

Продолжаются дискуссии вокруг вопроса о том, пребывает ли система в состоянии такой империи, как Рим, или нет. Несомненно, существует глобальное управление, которое

гораздо более эффективно, нежели в эпоху Рима. Сила этой воли бесспорна, независимо от того, гегемония это или империя. Она будет все время стараться удержать систему даже посредством постоянных реставраций. Такого типа трансконтинентальные образования, как ЕС, сейчас обретают актуальность в Азии, Африке и Америке. Для Ближнего и Среднего Востока разрабатывается Большой Ближневосточный проект (ББП). Задумались о реформировании ООН. Постоянный характер обрели новые экономические, культурные и социальные образования. Иными словами, противостоящая нам и все еще обволакивающая нас система цивилизации, хоть и прошла самый хаотический период Новейшей эпохи, но не сидит, сложа руки.

Если говорить о существовании у нее рефлекса соглашения, то, на мой взгляд, она не отвергает этот метод. Он часто использовался и приносил настоящие результаты. Пока сознательность, организованность и свободолобивые инициативы противостоящей стороны были на слабом уровне, система смогла успешно пройти все процессы достижения консенсуса. Например, как видим, этим методом ей удалось нейтрализовать социализм в лице СССР и Китая. Эти успехи были достигнуты путем использования слабостей современности (национальное государство, индустриализм, позитивизм). Приверженцы национально-освободительной и социал-демократической борьбы были легко ассимилированы и нейтрализованы. Что касается анархистского, феминистского, экологического и некоторых радикальных движений, то они были просто превращены в маргинальные.

Несмотря на все эти показатели, сила системы все же неабсолютна. Более того, она переживает наиболее слабые времена. Основная причина того, что фронт демократической цивилизации все еще не может добиться желанных, необходимых и заслуженных успехов, заключается в том, что он до сих пор еще не в полной мере совершил необходимый переворот в парадигмах (фундаментальный научный подход), не достиг достаточного уровня программного подхода, организованности и практической дееспособности. Но этих целей можно достичь. Движение демократической цивилизации может построить свою программу, организационные и практические формы в мировом, региональном и локальном масштабе, достигнув своей настоящей идентичности (равенство, свобода, демократия). О мировой демократической конфедерации: актуальными могут стать региональные демократические конфедерации Азии, Африки, Европы и Австралии. В частности, применительно к реалиям Ближнего и Среднего Востока можно сказать, что проект Ближневосточной демократической конфедерации в условиях существующей хаотической обстановки станет предельно разумным проектом.

Абстрагируясь от таких принципов, как «или все, или ничего», которые до сих пор были для него характерны, революции или войны до победного конца, или, напротив, бесконечного следования принципам Иисуса Христа (смирение), нельзя достичь успеха и эффективности в противостоянии с таким традиционным и компликативным явлением, как власть. Гораздо более прогрессивным и удачным методом может стать достижение своевременного консенсуса со всеми силами системы и превращение повстанческой и созидательной деятельности в стиль жизни, не упуская из рук освободительных инициатив. Но опять повторюсь: все это должен иметь место при УСЛОВИИ, что демократическая цивилизация станет нашей идентичностью, будет достигнут консенсус, но мы сможем не потерять самих

себя, не раствориться в недрах государственной цивилизации, сможем защитить и сохранить самих себя!

12. Хотелось бы завершить эту часть труда упоминанием нескольких обстоятельств, касающихся моего стиля письма. В самом начале я говорил, что в качестве метода хочу попробовать совместное использование мифологических, религиозных, философских и научных смысловых категорий. Думаю, что в этом смысле мне удалось достичь определенных успехов.

Без мифических сказаний не обойтись. В частности, история, особенно доисторическая эпоха, неолит, древняя история и демократическая цивилизация большей частью носят мифологический характер. Весь этот исторический пласт живет в мифах и сказаниях мудрецов. Если сделать качественный социологический анализ, можно будет добиться конкретного усиления и разнообразия историографии.

Религиозное мировоззрение, но не в существующей форме, а при условии социологического толкования, является неизбежным аргументом историографии. История в значительной мере спрятана под религиозными догмами — на это существует много причин. Общественные процессы, тоже со специфическими объяснениями, находят свое место в религии. При наличии социолого-исторического подхода они становятся серьезным источником знаний.

Ясно, что без философии не может быть написана история. Было бы заблуждением говорить о том, что позитивизм, являющийся самой грубой метафизикой, может написать историю, основываясь только на фактах. Идеи позитивизма, являющегося официальным мировоззрением и религией капитализма, о том, что будто бы не существует никакого исторического капитала, а все, что есть, свалилось на голову Европы, как манна небесная, собственно говоря, являются мифическими. Обретение религиозности приводит к аналогии с современной эпохой объективного идолопоклонничества. Следовательно, частое и активное применение философских методов также является неизбежным аргументом социально-исторического повествования.

То, что я хочу сделать при помощи научного подхода, не является повествованием ни объективного, ни субъективного характера. Я в курсе тождественности или схожести восприятия-факта. В связи с комплексным использованием всех упомянутых источников мой научный подход можно назвать «комментированием». Мой стиль рассуждений очень хорошо дает понять, что я не уделяю очень серьезное внимание объективизму, попросту не вижу в этом необходимости. Многие, кто владеет темой, смогут без особых усилий понять, что и субъективизм не занимает много места в моих рассуждениях.

Подчеркивая, что я хочу развить такую силу толкования, которая поможет мне, не отрицая разделения на субъективное и объективное, просто преодолеть этот водораздел, я прошу при этом простить мне грубые недостатки и недочеты. Если выяснится, что мне удалось внести хоть какой-то вклад в сознание каждого, кто имеет отношение к социуму, я сочту себя счастливым человеком.

Зверобой обновил 25 декабря 2025 00:37:53